

затем крутые горы, высокие холмы, всюду частые дубравы и дивные, плодородные поля. Это скорее северный пейзаж озерной полосы, где с холмов сбегает истоки рек, где среди березовых и хвойных лесов стоят клADEZI, блесит гладь озер и ширь полей, та страна, где встречают Весну счастливые берендеи Островского, т. е. жители Суздальской области.

За этой картиной природы, на главном ее фоне, идет перечисление живых существ в строго логическом порядке: различные звери и бесчисленные птицы населяют дубравы и леса, но люди уже создали великие города и дивные, богатые села, а в них и около них монастырские сады⁷ и церкви (вспомним прекрасную церковь Покрова на Нерли среди лугов). И как завершение этой картины выступают на первый план князья грозные, бояре честные, вельможи многие. Все это нарастание — постепенный переход от тихой природы к живым людям, от красочного фона широкой, безбрежной картины к главным героям будущей песни — обличает настоящего мастера слова с большим эстетическим чутьем. И нарастание звучности заканчивается торжественным аккордом: «Всего еси исполнена, земля Руская, о правоверная вера хрестиянская!»

Все перечисленные красоты и ценности слагаются в одно понятие Родины. В него входят и родной пейзаж, и родные селения, и родные люди, и политическая власть, и гордое национальное имя, и, наконец, сознание своего избранничества среди других народов.

Это сознание духовного избранничества наполняло уже светлым восторгом душу митрополита Илариона, гордившегося тем, что Русская земля «знаема и слышима всеми концы земли». Оно сквозит и в летописях, и в «Слове о полку Игореве», несмотря на все несчастья. В «Слове о погибели» оно выражено ярче, чем где-либо.

После этого величественного приступа, в котором понятие родины дано в красочных, экспрессивных образах, поэт переходит к ее более точному описанию. Он «точно раскрывает перед нами карту родины» (по счастливому выражению М. Н. Тихомирова) и указывает ее географические границы. Он не замкнулся в пределах своей северной Залесской Руси, но начинает с юго-запада. «Отседе до угор» — этим «отседе» скорее всего можно считать Киев, откуда до Карпат гораздо ближе, чем от Новгорода. Мы полагаем, что певец обозревает Русскую землю (мысленно или фактически) с «киевских гор».⁸ От угор он ведет границу «до ляхов, до чехов». В этом нет ничего удивительного: уже Х. М. Лопарев привел много примеров того, как часто в памятниках упоминаются рядом «угры и ляхи», а также «ляхи и чахи» в летописях и в сказании о Борисе и Глебе.

От ляхов и чехов поэт переходит к дикой ятвязи за Наревом и Неманом, известной со времени старого Владимира, и к родственной ей литве, от нее к немцам, укрепившимся с конца XII в. на Балтийском побережье, затем к кореле к северу от Невы и доходит до Устюга, где жили тоймичи: это финское племя, известное уже в уставе 1137 г. как данники Великого Новгорода,⁹ жило в Устюжском уезде, где и сейчас есть две реки — Верхняя и Нижняя Тойма. «И за дышючим морем» — это Белое море как часть

⁷ «Винограды обительные» можно толковать не в переносном смысле, а реально, как пример высокой земледельческой культуры. М. С. Грушевский указал, что виноградники были известны в Киевской области в XVI в. (см.: История Киевской земли. Киев, 1891, стр. 376, прим. 7); они могли существовать и в XIII в. Певец «Слова», если он и северянин, обнимает своим взором всю Русскую землю.

⁸ Так, полтора века спустя иерей Софоний Рязанец обращается к своим слушателям в Московской Руси: «Взыдем на горы Киевския и посмотрим славнаго Днепра и посмотрим по всей земле Русской».

⁹ «В Тоиме сорочек». — Памятники русского права, в. 2. М., 1953, стр. 117 и 121.